

Глава 4.3.

Услышав голос мамы после долгой разлуки. Точнее — услышав мамин голос без пространственной дистанции, Сэбёк вдруг почувствовал, что вот-вот расплчется без всякой причины.

— Мам, это я. Я приехал.

— Ой, мамочки!

Входная дверь открылась. Они вдвоём пересекли сад и сразу вошли в главный дом. Мама, всегда безупречно изящная, без единого выбившегося волоска, слегка запыхавшись, улыбнулась Сэбёку.

— Добро пожаловать. Мой сын.

Худые руки обняли Сэбёка. Выглядела она всё так же изящно, но, кажется, постарела сильнее, чем в прошлый раз, и без причины остро защемило где-то в уголке сердца.

Глядя на эту трогательную до слёз встречу, Кон Пёнхва, нагруженный кучей привезённых вещей, неловко поклонился. С Исылъ на груди скромно поклониться было трудно.

— Здравствуйте!

И всё же Кон Пёнхва бодро поздоровался.

— Кто это...?

В доме, где постоянно поддерживался уровень шума в пределах от сорока децибел до тысячи герц, мама Сэбёка была изрядно ошарашена зычным, как мотоциклетный двигатель, приветствием Кон Пёнхва, но, увидев, что у него много вещей, в растерянности пропустила его внутрь.

— Ой, да тут ребёнок! Малышка, привет!

Когда она поздоровалась и с Исылъ, которая была на руках у Кон Пёнхва, Исылъ, словно прекрасно узнав бабушку, заулыбалась и потянулась крошечной ручкой, похожей на завиток папоротника.

— Ребёнок такой миленький.

— Правда? Ах, в кого же она такая? Очень миленькая, да? И говорить уже начала рано, чётко различает пап. Хотите поддержать?

Мама Сэбёка издала девичье «ой-ой-ой» и отказываться не стала. Осторожно взяв Исылъ на руки, она то и дело умилялась.

— А ведь было время, когда и наш Сэбёк был таким крошечным.

Словно погрузившись в воспоминания, она нежно гладила Исылъ с ласковым взглядом.

— У ребёнка такие красивые глазки. А где же мамочка нашей малышки? У-у-у.

«Мам, эту малышку родил я».

Кольнуло. Кольнуло совесть. Не в силах открыть рот, Сэбёк выбрал молчание.

— Твой отец сегодня пораньше ушёл с работы, узнав, что ты приедешь. Пойди скажи ему, чтобы вышел в гостиную. Он в кабинете. А что кушает наша малышка? У-тю-тю, ку-ку!

Даже бодрый мамин голос не облегчил его шагов. Слишком тяжёлыми были шаги в сторону кабинета.

— Я пойду с тобой.

Оставив теще Исылъ вместе с несколькими наставлениями, Кон Пёнхва быстро пристроился рядом с Сэбёком. Когда они дважды постучали в дверь кабинета, изнутри раздался голос, что сейчас выйдет. Словно человек только и ждал стука.

Сэбёк, с огромным трудом уняв колотящееся сердце при помощи глубоких вдохов, вернулся в гостиную.

Видя, как он не может даже присесть на диван и топчется на месте в гостиной, Кон Пёнхва крепко сжал его руку. И в тот самый миг, когда бешено колотившееся сердце уже начало возвращаться к своему обычному ритму благодаря мягко успокаивающим феромонам и теплу тела, председатель Шин вышел из кабинета. Едва успокоившееся сердце снова заколотилось. Сэбёк, вздрогнув от неожиданности, стряхнул руку Кон Пёнхва и нервно закусил губу.

— Что же ты не садишься.

Председатель Шин обратился только к Сэбёку, даже не взглянув на Кон Пёнхва. Сэбёк неловко опустился задом на диван и судорожно сглотнул. Удушающее напряжение продолжалось.

После этого председатель Шин не произнёс ни слова, а Сэбёк лишь нервно озирался. Похоже, такими темпами сегодня не будет никакого итога. Да и не в итоге дело, Сэбёку было слишком тяжело на это смотреть. Кон Пёнхва решил полностью пересмотреть план.

«Я нанесу удар первым».

Кон Пёнхва тут же бухнулся в глубокий земной поклон. От неожиданного земного поклона Кон Пёнхва на маскообразном лице председателя Шина проступила растерянность. Всё-таки, если незнакомый человек ни с того ни с сего бьёт поклоны, кто угодно растеряется.

— В добром ли вы здравии?

— ...

Председатель Шин в глубокой растерянности не знал, что и делать, а Сэбёк, растерявшийся почти так же, как председатель Шин, лишь вращал глазами.

«Мой муж, которого хоть куда показать не стыдно».

Сильное предчувствие подсказывало ему, что хотя бы он сам должен взять себя в руки и всё исправить.

— Я...

Но Кон Пёнхва, словно не желая давать ему и шанса, подключил смарт-телевизор к телефону и вывел экран.

«ИТОГОВАЯ ЗАВЕРШЁННАЯ ВЕРСИЯ ПРЕЗЕНТАЦИИ КОН ПЁНХВА ДЛЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ»

Нет, это когда он вообще успел сделать?

[Мира во всём мире, может, и не уберегу, но мир в семье уберегу.]

Это было потрясающе. Ну, вообще-то он обыграл имя «Пёнхва» — «мир», и концепт вроде бы вышел неплохой. Даже если смотреть без розовых очков, врезалось в мозг весьма неплохо.

— Здравствуйте, дорогой тесть! Вы, должно быть, ошарашены, что какой-то подозрительный тип бьёт вам поклоны и зовёт тестем. Правда?

— Ну...

— О, нет! Можете ничего не говорить! Я всё прекрасно понимаю! Ах! Ну что же это за тип такой!

С мыслью, что лучше уж получить взбучку первым, Кон Пёнхва принялся колотить себя кулаками по лицу. Внезапный сеанс земных поклонов, ещё более внезапная самопрезентация, а затем ещё более внезапное самобичевание — председатель Шин был изрядно сбит с толку.

Благодаря тому, что всю жизнь он провёл на руководящих постах, будучи топ-менеджером и главой крупного конгломерата, на лице это не отразилось, но ощущение было такое, словно его внезапно похитили инопланетяне.

Нет, но на моём сыне полно феромонов.... неужто это дело рук этого типа? Председатель Шин уставился на Кон Пёнхва и задумался, глядя на сверкающий экран телевизора: «Нет, погодите-ка, этот тип в моём доме подключает смарт-синхронизацию с телефона конкурентов?»

Приглядевшись, он понял, что это второй сынок из этой семейки Кон. Председатель Шин, который до сих пор скрежетал зубами при упоминании председателя Кона, с опозданием сопоставил модель телефона и семейное древо Кон Пёнхва и внутренне заскрежетал зубами.

— Как вы уже, вероятно, знаете, имя этого невоспитанного типа, что стоит перед вами, — Кон Пён-хва. Да, верно, второй сын из той самой компании, Кон Пёнхва.

У Сэбёка задрожали глаза от внезапной презентации мужа.

— Я объясню, зачем я явился к вам в этот прекрасный день, когда ваш сын вернулся домой во всём блеске.

О. Хотя бы дедуктивная структура. Хорошо.

[Пожалуйста, отдайте вашего сына мне!]

Нехорошо.

[Исторический первый миг, а именно тогда, в 201X году, X месяц, XX число.]

— Поскольку материалов за тот период нет, я заменю их описанием. Это был наш второй класс старшей школы, ровно десять лет назад с сегодняшнего дня. Когда наша любовь только началась, ах, как подумаю об этом, сердце снова трепещет. Хе-хе.

А блютуз-микрофон-то откуда вообще? Он и так знал, что Кон Пёнхва обладает недюжинной подготовленностью, но не предполагал, что настолько. Впрочем, Кон Пёнхва, который из-за важности температуры четыре часа носил рыбные булочки на животе вместе с грелками,

никак не мог спустя рукава отнестись к самой важной презентации в своей жизни.

«Я не должен удивляться, даже если в конце вылетят сто голубей».

Сэбёк дал себе зарок, сосредоточившись на презентации.

Каждый раз, когда перелистывалась страница, в груди странно вибрировало. На каждой странице были фотографии, сделанные Кон Пёнхва. В основном это были моменты, когда Сэбёк был счастливее всего.

Шин Сэбёк, улыбающийся на фоне ночного пейзажа парка аттракционов, Шин Сэбёк, смотрящий на зимнее море, Шин Сэбёк в спортивной форме, небрежно накинутой поверх школьной, Шин Сэбёк, катящий чемодан ростом с него самого, Шин Сэбёк в костюме на Хэллоуин, Шин Сэбёк в шапке Санты, Шин Сэбёк, Шин Сэбёк. Перечислялся сплошной сияющий Шин Сэбёк.

Будто вспоминая каждый из дней этих десяти лет, Кон Пёнхва говорил без запинок.

—...И потому, как это ни удивительно! Мы сообщаем вам только сейчас, что до сих пор состоим в счастливых и страстных отношениях! Кстати, вчера мы тоже...

Кон Пёнхва поспешно прикрыл лицо, но у него было такое счастливое до смерти выражение, что прикрывать, казалось, уже не имело смысла.

— На данный момент мы друг друга невероятно глубоко и пр-ронизывающе любим, и у нас появилось благословение по имени Исылъ. Разумеется, я осознаю, что подобным образом приветствовать вас первыми было невежливо. Сэбёк предлагал рассказать всё сразу, но это я! Я попросил отложить. Это моя вина.

— Нет. Это...

Нет. Всё было наоборот. Задолго до появления Исылъ, примерно на пятом году отношений, Кон Пёнхва как-то намекнул, что, мол, не пора ли нам теперь раскрыть наши отношения.

Но Сэбёку не хватало смелости. Было страшно, и он хотел уклониться. Ему казалось, что если факт его отношений с Кон Пёнхва раскроется, то в тот же день ему придётся бросить учёбу и вернуться на родину. Он считал, что его отец — вполне способный на это человек. Он не хотел отказываться ни от учёбы, ни от Кон Пёнхва. Поэтому он откладывал и откладывал, и вот как всё обернулось, а теперь Кон Пёнхва пытается взять всю вину на себя..

— Сэбёк вовсе не стеснялся или что-то в этом роде, это я! Это у меня такой вкус к тайным отношениям! Но теперь я больше не могу прятать! Во мне разыграло желание объявить нашу любовь всему миру и получить признание!

Будто опьянённый чувствами, Кон Пёнхва закрыл глаза, наслаждаясь, и совершенно естественно расстегнул пуговицы на рубашке. Сэбёк, который и не подозревал, что под рубашкой у него надета парная футболка, отчего-то залился краской.

«Мой муж, которого хоть куда показать не стыдно, но...»

А разве он не здорово смотрелся бы хоть где? Что бы ни подумали другие, для Сэбёка это было так. Может, это и были розовые очки. И всё же Кон Пёнхва, даже если принижал или выставлял в смешном свете себя, никогда не принижал других.

— Мы любим друг друга по-настоящему. Я хоть и тип вроде разбойника, но, пожалуйста, отдайте мне вашего сына.

И самое главное — он был честен в своих чувствах.

— Если не отдадите, мне ничего не остаётся, кроме как украсть...

...Слишком честен. Может, и не помешало бы обладать добродетелью немного скрывать свои помыслы, но, с другой стороны, это было бы не в стиле Кон Пёнхва.

— На этом всё. Спасибо, что уделили мне ваше драгоценное время.

Кон Пёнхва, вежливо поклонившийся на девяносто градусов, только теперь проявил немного этой добродетели скрытности. Ровно настолько, чтобы самую малость показать напечатанных на парной футболке целующихся Кон Пёнхва и Шин Сэбёка.

— ...

— ...

—...В-вау..

Сэбёк неловко захлопал в ладоши и воскликнул. Это были деловые манеры.

В обычной ситуации сейчас должно было бы быть время для вопросов и ответов... Но атмосфера вокруг председателя Шина была не совсем обычной.

Сэбёк напрягся до предела. Ощувив колючую, резкую ауру, он затаил дыхание от страха, как вдруг сквозь напряжение просочились феромоны Кон Пёнхва.

— Да ты сейчас...

Это был тот самый миг, когда застывшее от напряжения тело расслабилось, и он испустил вздох облегчения.

— Пёнхва!

У Кон Пёнхва пошла кровь из носа. Прежде чем пришла мысль, что и как нужно делать, тело среагировало первым. Сэбёк вытянул длинный рукав и зажал нос Кон Пёнхва. Белая рубашка быстро пропиталась красным.

И вдруг у этого альфы, который по своей природной конституции даже после трёх бессонных ночей едва ли зевал, не то что имел кровь из носа, — носовое кровотечение. Это что, проблемы из-за стресса? Он ведь и правда, наверное, испытывал стресс?

— Что за суета из-за какого-то носового кровотечения.

— Какого-то носового кровотечения? Какого-то носового кровотечения?! У нашего Пёнхва кроме здоровья ничего и нет, а у него вдруг кровь из носа идёт, и как можно говорить «какого-то»?!

Сэбёк впервые в жизни накричал на председателя Шина. Председатель Шин, впервые услышавший громкий окрик от своего старшего сына, на мгновение застыл в шоке.

— Да нет, дорогой, я в порядке.

— Что значит «в порядке»?! Голову назад не запрокидывай! Поехали в больницу.

— Но ведь у нас вроде как время для вопросов и ответов...

Как и подобает романтику, слабому перед своим омегой как никто другой, Кон Пёнхва безжалостно потащили за Сэбёком. Сэбёк шёл размашистым шагом, обладая огненной пробивной силой.

— Мама! Дай мне Исыль!

Мама Сэбёка, поившая Исыль водой, испуганно вздрогнула от его голоса. Сэбёк обшарил карманы Кон Пёнхва и достал ключи от машины.

— Ой, если ты туда прикоснёшься, кажется, опять кровь пойдёт...

— Не разговаривай!

— Папа! Папа!

Держа Исылъ с её отличной дикцией, Сэбёк слегка поклонился.

— На сегодня мы пойдём. Кажется, нам нужно в больницу.

— А... да, хорошо, идите..

Мама, подавленная бульдозерным напором Сэбёка, растерянно помахала рукой на прощание. Даже увлекаемый Сэбёком, Кон Пёнхва достал из-за пазухи аккуратный бумажный конверт и передал его маме Сэбёка.

— Я не хотел давать это таким образом, но Сэбёк сейчас в совершенном бешенстве. Пожалуйста, непременно почтите нас своим присутствием и украсьте мероприятие. Мы ещё увидимся!

Неукротимый продавец Кон Пёнхва в конце концов всучил тёще приглашение на день рождения Исылъ. В руках у мамы Сэбёка вместо пахнущего молоком младенца осталось лишь болтающееся приглашение на день рождения.

— Может, в травмпункт надо?

— Да нет, успокойся и послушай-ка.

— На всякий случай, может, надо провериться на лейкемию...

— Успокойся. Успокойся! Исылъ напугается!

Сидя на пассажирском месте, Кон Пёнхва потёр ноздри пальцами. Показав Сэбёку пальцы без следов крови, он улыбнулся, словно говоря «не волнуйся».

— С чего бы у здорового парня вдруг пошла кровь. Ты что, скрываешь от меня какой-то тревожный сигнал организма...

— Наверное, я на презентации себя слишком сильно ударил. Переборщил с перформансом.

Присмотревшись, он и правда увидел, что щека у Кон Пёнхва красная и распухшая. И вроде бы даже немного содрана.

Этот его самобичевательный перформанс, когда он бил себя кулаками по лицу — и довёл до носового кровотечения. Нет, кто же так жестоко обращается со своим телом....
Переволокновавшись, он чувствовал себя опустошённым и разочарованным. Глядя на пострадавшее лицо, снова расстраивался. Может, стоит сейчас вернуться в дом и неловко почесать затылок...

— Ха. Хорошо, с отцом так, но мама-то наверняка ничего не знает.

— Да она, похоже, знала.

А? Сэбёк даже не смог завести двигатель, а лишь тупо открыл рот от удивления.

— Конечно, она выглядела растерянной, но, увидев меня, кажется, до определённой степени догадалась. То-то я думаю, она и сказала, что у нашей Исыл, наверное, красивые глаза, потому что она на тебя похожа.

— ...

Настроение было странное.

— Мама у тебя довольно боевая женщина. Мы с тётцей, кажется, отлично поладим.

— Да о чём ты за такое короткое время... при чём тут поладим...

Сэбёк слабо возразил и завел двигатель. Правильно ли это? Хорошо ли он поступил? Сэбёк был в смятении, но взялся за руль.

— Дорогой, мы теперь ко мне домой едем?

— А? А? А... А!

У них не было времени заикливаться на том, что ещё не произошло. Впереди ждала суровая реальность. Кон Пёнхва уже в совершенстве завершил свою самопрезентацию и вышел из дома мужа. Теперь пришло время Сэбёку показывать, на что он способен.

На самом деле Сэбёк тоже на всякий случай приготовил лучшую говядину, дикий горный женьшень, а также золотые слитки — подарок, идеально подходящий к нынешним временам взлетевших мировых цен на нефть и экономической нестабильности.

— Дорогой, не волнуйся слишком. У меня всё запланировано.

Кто бы мог подумать, что слова «у меня есть план» могут звучать так страшно.

— У меня и подготовка идеальна. Просто бери себя и иди. Положись на меня. Я же говорю, всё безопасно.

У меня дома тоже было «безопасно». Сэбёку почему-то было не по себе, но он решил пока выезжать. Поскольку районы их домов пересекались, расстояние было довольно близким, так что вскоре после того, как Сэбёк взялся за руль, они прибыли. Когда он дрожащей рукой нажал на дверной звонок, дверь, словно по волшебству, открылась.

— ...

Сэбёк внутренне занимался самоконтролем.

«Я уж как-нибудь прокормлю. Я уж как-нибудь смогу прокормить. У меня на иждивении два человека. Я мужчина. Уж как-нибудь проживём. Я справлюсь».

Он не умел создавать презентации как Кон Пёнхва, но у Сэбёка тоже был план, не менее серьёзный, чем у него. Сэбёк крепко сжал кулак и вступил в дом мужа.

— Второй принц вернулся во всём блеске!

От голоса Кон Пёнхва, разбивающего всё напряжение, ноги немного подкосились, но Сэбёк зашагал твёрдо, будто ничего не было. Кон Пёнхва как ни в чём не бывало расхаживал по дому — ах да, ему же действительно можно.

Он свободно расхаживал по дому, куда вернулся впервые за долгое время, и искал дворецкого Хвана. Кон Пёнхва подмигивал дворецкому Хвану. Тот, кого уговорили на один день выйти из временной отставки жалобными мольбами Кон Пёнхва, с кислым лицом показал маленький знак «окей».

Кон Пёнхва бодро направился в гостиную, где собралась вся семья. Сэбёк с подкашивающимися ногами, неся Исыл, последовал за ним.

— Глубокоуважаемые и любимые папа и мама! Ваш драгоценный сын Кон Пёнхва вернулся во всём блеске.

— Что за представление.

Председатель Кон, как только увидел лицо второго сына, сразу же зацокал языком и, повернувшись к старшему сыну, сидящему рядом, принялся причитать:

— Да когда же этот хоть чуть-чуть повзрослеет?

«Он мне хоть и тесть, но как он смеет называть моего мужа „этот“? Мой Пёнхва что, вещь?» — даже в таком напряжении его это слегка взбесило.

— Таким, какой он есть, даже не знаю, удастся ли его вообще куда-нибудь сосватать. Послать его на смотрины — так стыдно же.

— Ах! За это можете не волноваться! Потому что я уже женат!

С ума сошёл, что ли. Ну когда ты уже повзрослеешь? — на мгновение эти слова подступили к самому горлу, но Сэбёк со сверхчеловеческим терпением подавил в себе желание их высказать.

— Что?

При такой несусветной чуши отец и мать Кон Пёнхва засмеялись, словно им было дурно. Старший сын Кон Чон, с лицом «он что, наконец-то спятил?», тихонько встал с дивана и отошёл от родителей.

— Я же сказал, что уже женат. И раз уж зашла речь, я не пойду ни на какие смотрины. Не подсовывайте мне смотрин. Я уже женатый мужчина. Если я сейчас женюсь, это будет брачное мошенничество. Я уже и плод любви увидел! Та-дам! Наша Исылъ, которую хоть в глаз положи и не больно!

—..Я этого паршивца послал за границу учиться, а он что? Ой-ой! Ой-ой!

Председатель Кон схватился за затылок, но, будучи на редкость бодрым, упасть ему не удалось. Затылок прихватило, но не до такой степени, чтобы рухнуть, и в итоге энергия превратилась в гнев.

— Куда делась пепельница, что тут была!

— Вы же сказали, что бросаете курить. Я её убрал.

Председатель Кон с растерянным лицом начал озираться по сторонам.

— А куда подевались все клюшки для гольфа, что здесь были!

— Я их заранее убрал, боясь, что меня побьют!

— Ещё и хвастаешься!

Кон Пёнхва незаметно подмигнул Сэбёку. Так вот что было планом — убрать клюшки? Так вот что значило «безопасно»?

Но десять лет — срок долгий. Разве не говорят, что за десять лет и реки меняются, и горы меняются? Председатель Кон, которому бейсбол стал нравиться больше гольфа после того, как «ТК Ligers», вечно бывшие последними, через десять лет выиграли корейскую серию, достал вместо клюшки для гольфа бейсбольную биту.

Кон Пёнхва, упустив из виду прошедшие десять лет, получил битой по заднице, приняв ту же позу «упор лёжа», что была десять лет назад.

— Хнык.

— Не преувеличивай!

В двадцать восемь лет у него появилась история о том, как его отлупили битой.

— Папаша... Ты тоже изрядно постарел. Сила удара у тебя уже не та...

— Ладно. Прими-ка позицию снова.

— А, папа!

Зачем он так нарывается на побои? Сэбёк снова собрался с духом.

«Хотя бы я должен взять себя в руки».

Сэбёк хотел встать между председателем Коном и Кон Пёнхва, но, боясь, что бейсбольная бита может хоть краем задеть Исылъ, только переминался с ноги на ногу. Попросив старшего брата Кон Чона, который заранее отошёл на безопасное расстояние, присмотреть за Исылъ, Сэбёк вклинился между председателем Коном и Кон Пёнхва.

— Я.. это всё моя вина!

Он по-мужски выкрикнул, но председатель Кон отреагировал вяло.

— А ты кто такой, чтобы встревать?

— Я, я тот, кто женился на Пёнхва!.. мужчина!

Кон Пёнхва издал вопль, похожий на крик птеродактиля. Это была фраза, которая зажгла сердце романтика Кон Пёнхвы!

Председатель Кон опешил и выронил бейсбольную биту. С гулким стуком ударившись об пол, бита словно слилась воедино с головой председателя Кона, в которой тоже зазвенело.

- К-какой ещё мужчина? Мужчина...? Ребёнок же есть? Как...?

Председатель Кон, считавший себя прогрессивным человеком, теперь корил себя за то, что был лягушкой в колодце. Всё ещё принимая Сэбёка за коротко стриженную женщину, он прочистил горло и попытался принять важный вид.

- Значит, девушка, ты с этим сорванцом хозяйство завела?

Хоть убей, было видно, что это мужчина, но председатель Кон, будучи одновременно чересчур прогрессивным и в то же время консервативным, был твёрдо убеждён, что Сэбёк – женщина.

- Я... я не девушка.. я мужчина. Я Шин Сэбёк. Мужчина и омега.

- Что?!

Он схватился за затылок, но его сердечно-сосудистая система была настолько крепкой, что на этот раз он тоже не упал в обморок. Однако у него не хватило духу сказать что-либо резкое Сэбёку, который стоял, опустив голову, словно преступник, и не мог вымолвить ни слова.

- Ах! Папа, зачем ты давишь на моего мужа!

Вместо этого он обрушился на этого мерзавца. На этого наглого, негодного отпрыска. Он отвесил своему собственному ребёнку, который был так дорог, что даже в глазах щипало, ядерный подзатыльник.

- Ай, больно!

- Пёнхва! Не бейте его! Лучше ударьте меня!

- Только посмей тронуть его. Я разнесу папины финансовые тайны по всему миру, нет – по всему свету!

Что? Этот, этот, этот неблагодарный выродок? На этот раз он был полон решимости упасть

навзничь, но его тело, такое же крепкое, как и у отпрыска, не слушалось.

Председатель Кон чувствовал себя так, будто постарел на десять лет всего за десять минут. Глядя на этих молодых людей, которые были поглощены друг другом, у него внутри всё кипело.

– Воды.

– Налей и выпей сам.

– Знаю. Просто так сказал...Хаа.

Он устало поплёлся на кухню, в одиночестве восполнил запасы жидкости и вернулся, чтобы обнаружить, что гостиная превратилась в сцену тёплой гармонии.

– Ой! Ку-ку! Ку-ку!

– У меня племянница...

– Какая милая.

Ребёнок, улыбающийся и смеющийся, украл сердца всех, кто был в комнате.

«Как они могут все улыбаться в такой ситуации? Я отправил его учиться за границу, а он возвращается с ребёнком? И с женщиной? И с этим несчастным, никудашным сыном того ублюдка?»

Председатель Кон был вне себя от ярости.

– Вы все с ума сошли! Что в этом парне такого красивого, что вы все сидите и сюсюкаетесь с ним!

Председатель Кон указал на Сэбёка, но быстро изменил направление и яростно ткнул пальцем в Кон Пёнхву.

– Я отправил тебя учиться за границу! А?

Несмотря на гнев мужа, мать Кон Пёнхвы оставалась совершенно невозмутимой.

– Другие дети вон наркотиками балуются и под пули попадают, а наши и учились, и любили друг друга.

Сравнение «наркотики и пули» против «учёба, женитьба и ребёнок» было настолько очевидно не в пользу первого, что председатель Кон мог только безмолвно открывать и закрывать рот.

– Это девочка или мальчик?

– Принцесса.

Что? Девочка? Председатель Кон, который был заядлым любителем дочерей и открыто благоволил Кон Саран среди своих троих детей – Кон Чон, Кон Пёнхвы и Кон Саран, – только тогда по-настоящему посмотрел на Исыл.

Возможно, потому что она была девочкой, даже в таком юном возрасте у неё уже были длинные ресницы и глаза, как у оленёнка. Её крошечные ручки, которые она сжимала и разжимала, были такими маленькими и пухленькими, что хотелось взять их в рот. Чувствуя себя лишним в этой ситуации, где все, кроме него, казались счастливыми, председатель Кон незаметно приблизился.

– Эй. Не подходите близко.

«Этот наглец?»

– Помойте руки. У нашего ребёнка сейчас ещё слабый иммунитет.

Это была правда, поэтому председатель Кон послушно вымыл руки до скрипа. Когда он вернулся, в гостиной уже был накрыт столик с угощениями, и атмосфера напоминала праздничное семейное застолье.

– Что с твоим лицом?

– А. Проводил презентацию с убеждением у родственников мужа.

– И что же ты такого сделал, что...

Понятия не имея, что это было представление, включающее самоповреждение и запугивание, чтобы захватить инициативу, председатель Кон внезапно почувствовал прилив гнева.

«Этот парень! Он догадался спрятать клюшки для гольфа, чтобы избежать порки, но пошёл и получил пощёчину от чужого отца?»

Его сначала разозлила хитрость сына, который, зная, что заслуживает порки, всегда подставлял отцу только задницу, но подставил щёку в чужом доме.

«И он сначала пошёл в дом того святоши, а не к нам?»

Во второй раз его разозлила наглость того, что он не пришёл к ним первым.

«И, кстати, тот отец сам не уследил за своим сыном, но бьёт только моего ребёнка?»

Не зная, что это было одностороннее представление Кон Пёнхвы по самоистязанию и шантажу, председатель Кон кипел от злости.

«Он что, сам ребёнка родил? Сам? Нет! Они любят друг друга! Поэтому и родился ребёнок!»

Не подозревая о бурлящих чувствах родителей, сын сиял и был счастлив. При виде беззаботной улыбки Кон Пёнхвы сердце председателя Кона разбилось на миллион кусочков.

«Дурак ты, дурак!»

Начисто стерев из памяти собственные побои, председатель Кон испытывал к своему наивному сыну и жалость, и беспокойство.

«Ладно, если семья супруга хорошая, можно и к столбу у ворот относиться с уважением, но что такого красивого в мужчине, у которого и так всё есть? Тьфу!»

Однако чудо, родившееся между ними двумя, было настолько милым, что даже если бы он положил его в глаз, ему бы не было больно.

– Де! Де!

Чт... Де...душка? Она что, сейчас назвала меня дедушкой? Взрослый, который слышит только то, что хочет слышать, председатель Кон подумал, что у ребёнка уже хорошая дикция, и решил, что когда-нибудь она станет диктором.

Он уже представлял, как покупает ей телекомпанию, когда она накопит достаточно стажа, придавая значение каждому лепету Исылъ.

– Ах, я устал. Мы пойдём.

Что, уже уходите? Председатель Кон был разочарован. Он только два часа играл с внучкой в «ку-ку» и явно выражал своё сожаление.

– Может, переночуете? Я комнату приготовил.

- Ты с ума сошёл?

Почему... Почему предложение переночевать в доме своих родителей вызывает такую реакцию?

Совершенно ничего не понимая, председатель Кон с трудом подавил стон, когда огненные шипы его жены вонзились ему в спину один за другим.

- Бестактный ты человек. Ладно, Пёнхву я ещё могу понять, но... будет неудобно, знаешь!

Всё ещё не зная, как обращаться к Сэбёку, мать Пёнхвы просто пропустила обращение и продолжала колотить мужа по спине. Наблюдая за неизменно точными ударами матери, Кон Пёнхва в глубине души испытал гордость за здоровье своих родителей.

- Вы, наверное, устали, так что идите скорее.

Благодаря огневой поддержке матери Кон Пёнхва взял Исылъ и схватил Сэбёка за руку.

- Я не давал вам своего разрешения! — Председатель Кон попытался придать себе важный вид, заложив руки за спину и говоря властно.

- Они пришли не за разрешением. Они пришли сообщить.

Ребёнок-то уже родился.

По правде говоря, мать Кон Пёнхвы уже наполовину смирилась. К счастью, дворецкий Хван заранее предупредил её. В противном случае даже госпожа Кон могла бы избить Кон Пёнхву до полусмерти.

Её сын, который навсегда останется для неё ребёнком, теперь создал семью и стал главой дома, и она не могла бить его так, как в детстве.

- Ах. Точно. Мы и правда пришли сообщить, а ещё и передать это.

Кон Пёнхва плавно достал аккуратный конверт.

- Завтра у нашей Исылъ первый день рождения, и мы просим вас почтить своим присутствием это торжество — ай!

Когда же этот парень повзрослеет?

В конце концов, госпожа Кон не нашла ничего лучше, как оставить отпечаток ладони тысячерукой Гуаньинь на спине своего сына, который вернулся домой с триумфом и новой жизнью.

<http://bllate.org/book/17004/1618505>